

НЕСЧАСТНЫЕ СУПРУГИ,

ИЛИ

повѣсть о господинѣ и госпожѣ де ла Бедуаерѣ, писанная его другомъ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Посреди ужаснѣйшихъ бѣдъ питался я сладкимъ удовольствїемъ, узнавать людей и ихъ вѣроломства: они больше не могли скрывать свое притворство, и сердца ихъ я довольно проникнулъ; вкушалъ утѣхи тѣ, что имѣю право ненавидѣть и презирать ихъ. Мы забвенны были отъ всего свѣта, утопали въ злощастїяхъ; но другъ другу были столь любезны, что

забвенію предавали всѣ наши несчастіи: воображая, что все подвластно двумъ сердцамъ любовію пылающимъ? . . .

Нѣкто незнакомой взошелъ къ намъ въ комнату. Посѣщеніе его меня удивило; къ намъ никто не ходилъ, кромѣ господина Стикотти и дѣвицы де ла Ланде, сихъ единыхъ нашихъ благодѣтелей. Онъ просилъ меня, чтобъ выслушать его наединѣ. Сіе привело меня еще въ пущее удивленіе. Я представлялъ ему, что ничего нѣтъ тайнаго отъ моей супруги; онъ противился сему; наконецъ я принужденъ былъ просить Агату, чтобъ она вышла.

Государь мой, сказалъ мнѣ онъ, безполезно увѣдомлять васъ, кто я; надлежитъ только вамъ сказать причину моего пришествія. Вы властны сами надъ собой; хотятъ перемѣнить состояніе ваше, и васъ осчастливить. . . . . . .

Агата, все что я люблю, Агата будетъ благополучна? Ахъ государь мой, скажи, кто изъ смертныхъ столь великодушенъ, что обо

мнѣ

мнѣ помыслилъ? Кто хочетъ извлечь меня изъ пропасти несчастія? быть мнѣ благодѣтелемъ, создателемъ, и быть отцомъ моимъ? Я лишился его на вѣкъ.

Нѣтъ, государь мой, *сказалъ онъ мнѣ*, вы не лишились вашего родителя; онъ живетъ для васъ, и васъ любитъ...... Онъ любитъ меня? я могу приобрѣсть любовь его? Онъ хочетъ простить проступокъ несчастному сыну своему?..... Да, онъ дѣлаетъ больше, нежели васъ прощаетъ: онъ любя васъ, простираетъ руки принять въ обьятіи свои: онъ-то есть тотъ смертной великодушной, тотъ благодѣтель, которой даетъ вамъ новую жизнь; и онъ то къ вамъ прислалъ меня, желая васъ осчастливить.

Можетъ ли ето статься, *вскричалъ я*, чтобъ отецъ мой оживотворилъ меня, чтобъ вселилась въ него чувствительность искренности? Ахъ государь мой! какъ я восхищаюсь! сердце мое столь долгое время печалію стѣсненное, едва могло почувствовать восторгъ сей. Пусть Агата будетъ участница радости сей,

и извѣстится, что онъ признаетъ ея за дочь свою, восприметъ младенца; носимаго во утробѣ ея за своего единокровнаго, что всѣ кончатся злополучія! Время открыть ей премѣну нашего состоянія; пусть она . . . .

Постой, государь мой, постой, мнѣ должно объявить вамъ нѣсколько договоровъ: родитель вашъ хочетъ забыть прошедшее ваше поведѣніе, возвращаетъ вамъ имѣніе, дѣлаетъ наслѣдникомъ; наконецъ изъ ужаснаго состоянія вашего дѣлаетъ онъ блистающее, и слагаетъ съ себя чинъ въ пользу вашу . . . . . .

Ахъ! государь мой, *прерпалъ я рѣчь его*, я чувствителенъ къ единому возвращенію искренности его: она мнѣ драгоцѣннѣе всѣхъ сокровищъ; позволь же мнѣ увѣдомить Агату, что отецъ мой любитъ меня, и что . . . .

Помедли одну минуту, *сказалъ онъ бѣжапъ за мной и удержипая.* Вы еще неизвѣстны, государь мой, какіе договоры отецъ вашъ предлагаетъ вамъ.

Госу-

Государь мой, *сказалъ я*, я готовъ сдѣлать все, чего бы то ни стоило, чтобъ онъ только возвратилъ мнѣ любовь свою родительскую; но время мнѣ оживотворить Агату извѣстїемъ радости сей . . . . Онъ безпрестанно держалъ меня за руки и не отпускалъ меня: какъ! *сказалъ онъ мнѣ*, еще ли сердце ваше терзается любовїю, причиняющей всѣ напасти жизни вашей? Да, *отвѣчалъ я*, обожаю я больше прежняго супругу мою . . . . . . Но скажите мнѣ, какїе договоры? . . . .

Я примѣтилъ смятѣнїе въ лицѣ сего незнаемаго.

Ахъ! *отвѣчалъ онъ*, сколь много вы сожалѣнїя достойны! вы произведены быть всегда несчастнымъ, не имѣть отца, ни роду! можете ли спрашивать меня о договорахъ сихъ? Или ихъ не понимаете? или не можете вообразить съ какимъ намѣренїемъ отецъ вашъ желаетъ возвратить вамъ любовь и прїязнь свою? Будьте же извѣстны, что онъ проситъ васъ въ послѣдней разъ обратиться къ должности своей; и вы погибнете, если не отвратитесь отъ

 заблу-

заблужденія сего : онъ единаго требуетъ отъ васъ; но я предвижу множество трудностей съ вашей стороны. Требованіе его , чтобъ вы разлучились съ Агатой , чтобъ запретили называться ей вашей супругой: ею вѣчно не оставятъ , будутъ имѣть попеченіе о младенцѣ ея , но только , чтобъ оставила имя вашей супруги.

Услышавъ сіе , пораженъ я былъ смертельнымъ ударомъ , и потекли слезы изъ самой глубины сердца моего.

Ахъ ! *сказалъ я* , безъ сомнѣнія родитель мой вознамѣрился вѣчно меня ненавидѣть, и гнать злосчастнаго сына своего? Я ясно вижу, что не остается намъ болѣе , какъ умереть , довольно , я лишился отца своего на вѣки. По семъ сѣлъ я заплакавъ горько.

Государь мой , сказалъ мнѣ онъ , единое дружество соединяетъ меня съ родителемъ вашимъ , и оно понудило меня быть между вами посредникомъ : я сожалѣю, люблю, не зная васъ , и съ горестію взираю на ваше упорство. Я не осмѣливаюсь подать

вамъ

вамъ никакого совѣта ; но помыслите , что раздраженной отецъ вашъ приказалъ мнѣ сказать вамъ въ последней разъ , что онъ имѣетъ полную надъ вами власть , что вы въ преужасномъ уничтоженіи, и единое слово его можетъ изъ сего васъ извлечь ; говорите , государь мой , скажите . . . . Слезы ваши меня трогаютъ ; я ожидаю отвѣта вашего , что мнѣ прикажете сказать ему ?

Что несчастной сынъ его , тотъ же, сказалъ ему, я въ ярости вставъ со стула и удерживая слезы въ сердцѣ моемъ , что онъ на всегда ему преданъ , ему покоренъ , ничего не требуетъ кромѣ любви его , любитъ Агату , и обожаетъ ея больше прежняго ; она кончитъ остатокъ дней своихъ съ имянемъ супруги моей : донесите ему , что вы меня видѣли подъ бремянемъ жесточайшихъ печалей , почти издыхающа ; скажите ему, что сынъ его , сынъ господина де ла Бедуаеръ приведенъ до престрашныхъ крайностей , что последней рабъ его , безъ сумнѣнія меня счастливѣе; на конецъ, что я уми-

раю отъ бѣдности, отъ глада; да, государь мой, *сказалъ ему я заплакавъ и бросясь въ креслы*, самой последней изъ смертныхъ меня превосходитъ; я принужденъ буду, повѣрите ли вы, зависить отъ соболѣзнованія и отъ милосердія смертныхъ, (милосердіе безъ сомнѣнія тягчайшее для злосчастныхъ, нежели безчеловѣчіе) принужденъ буду долженствовать имъ жизнію, всякую минуту бытіемъ моимъ, ... истребовать жизнь! . . . . Такъ, государь мой, *повторялъ я со вздохами, раздирающими сердце мое*, испросить жизнь! . . . . Но нѣтъ, я не ввергну себя въ посрамленіе; я скончаю дни мои достойнымъ отца моего, ни кому не буду обязанъ жизнію такимъ уничтоженіемъ! Донесите ему, что я ожидаю смерти, скоро лишится онъ сына своего, съ собой вовлеку во гробъ сію несчастную супругу, и младенца недостойнаго усыновленія, и собственной крови его. . . . . . Довольно, *сказала Агата стремительно пошедши съ заплаканными очами*; я всю слышала; я на всю согласна, только чтобъ господина де ла Бедуаера осчасли-

сливить : такъ государь мой, пусть отнимутъ вольность мою, отнимутъ жизнь мою, ежели только супругъ мой получить можетъ за такую цѣну любовь родительскую. Но почто хотятъ похитить имя супруги его? Ахъ! что содѣлываютъ сему несчастному младенцу, прежде рожденія его? Я безъ сомнѣнія могу себя отдать на жертву, но что сдѣлаю безъ наименованія матери съ жребіемъ дѣтища моего? Онъ вознегодуетъ на меня, если навлеку на него поношеніе бесчестнымъ рожденіемъ, тогда лишу его права именоваться моимъ, подвергну его предразсужденію, причиняющему стыдъ самому ему. Я согласна лишиться жизни; а не оставлю имени супруги господина де ла Бедуаера : однако властвуетъ онъ надъ участью моею : онъ одинъ можетъ утвердить состояніе мое : пусть скажетъ хотя едино слово, если отречется онъ отъ своего обязательства, и не хочетъ быть моимъ супругомъ; я послушна во всемъ, союзъ нашъ разорвется; пусть опредѣлитъ съ сей минуты, онъ властенъ и смерть матери и младен-

 ца

да не замедлитъ привести его въ прежнюю свободу

Ахъ, дражайшая Агата! вскричалъ я, бросясь къ ногамъ ея, я бы въ самомъ дѣлѣ желалъ вольности вкусить утѣхи, новымъ съ тобою союзомъ; храни на всегда имя сїе, насъ соединяющее, и мною почитаемое, когда ты столь добродѣтельна, что не погнушалась быть супругою несчастнаго: да ты кончишъ остатокъ дней твоихъ съ именемъ симъ, но по крайней мѣрѣ по смерти оставя единое несчастїе въ наслѣдство младенцу сему, мы не лишимъ его единственнаго сокровища сего къ его утѣшенїю; оно укрѣплено властїю закона, о которомъ со временемъ извѣстятся. Будь на всегда супруга моя; а вы, государь мой, будьте свидѣтелемъ возобновленїя къ ней чувствительностей моихъ: ничто насъ кромѣ смерти разлучить не можетъ; сїе единое средство остается отцу моему свободить меня отъ союза ему противнаго: съ сими мыслями пребуду я до послѣдняго издыханїя моего. Ахъ! государь мой, когда отецъ мой отрицается признать

знать меня за сына своего, пусть воззрит на меня, яко на друга, на странника, на несчастнаго, требующаго помощи его; пусть вспомнит человѣчество, и подаст руку помощи утопающему в злополучїях; да призрит меня, как послѣдняго из рабов своих. Не ужель не могу я его привесть в сожалѣнїе, взяв на себя названїе сїе? чтоб мы могли только удовлетворить потребности равняющїе нас с самыми послѣднѣйшими; чтоб могли только прожить до того времени, чтоб произвесть на свѣт несчастнаго младенца сего, для котораго без сумнѣнїя не будет он столько жестокосерд и не жалостлив. Да, мы готовы броситься к ногам его для полученїя о нас соболѣзнованїя; пойдет един сын его послѣднейшїй из смертных, возбудить человѣчество его для сохраненїя жизни, ему долженствующей. Не ужель он будет столь не чувствителен, что отречется вспомоществовать в бѣдности и в нищетѣ моей? Пусть не будет он против меня; яко отец, но яко человѣк.

Едва могъ кончить разговоръ сей; при каждомъ словѣ произходили вздохи, протекали слезы, и терзалось сердце мое. Незнаемый не могъ такъ же удержать слезъ своихъ жалѣя о жребіи моемъ; чѣмъ больше взиралъ онъ на Агату, тѣмъ больше проницалъ злополучіе, и оправдалъ мысли мои; наконецъ поѣхалъ онъ исходатайствовать милость для меня у отца моего.

Спустя нѣсколько минутъ по разлученіи его съ нами, я почувствовалъ необычайную тяжесть въ кармане моемъ, вложилъ въ него руку. Какое было для меня удивленіе! вынулъ кошелёкъ; въ немъ было пятьдесятъ имперіаловъ: я былъ въ восторгѣ, узнавъ, что есть еще люди владѣющіе одолженіемъ: почувствовалъ въ то время единую сію печаль, что не возмогъ принесть благодарности моей такому великодушному благодѣтелю.

Послѣ посѣщенія незнаемаго, Агата погружена была въ глубочайшее смятеніе умножающееся каждую минуту; малѣйшія движенія любезнѣйшаго человѣка не утаятся отъ взора про-

проницающаго сердце его; я подозрѣвалъ ея въ томъ, что не скрываетъ ли она новой какой нибудь печали, желалъ раздѣлить ея съ нею, по тому что не въ силахъ былъ сносить всѣ тягости, и что она привлечена была любовію ко всѣмъ напастямъ состоянія моего. Мнѣ казалось, что Агата поражена была тѣмъ же смятеніемъ, когда вознамѣрилась было удалиться въ монастырь. Я втунѣ спрашивалъ ея о причинѣ сего чрезвычайнаго колебанія; она ссылалась на наши несчастія, и сказывала, что они суть единыя производящія печаль сію, и задумчивость ея отягчающую.

Въ одинъ день оставила меня, сказавъ: что пошла посѣтить дѣвицу де ла Ланде. Я удивился, что Агата и въ вечеру того дня не возвратилась; безпокойства мои начали возрастать. Я пошелъ къ госпожѣ де ла Ланде увѣдомиться о причинѣ замедленія супруги моей. Какое было удивленіе мое, и въ какую горесть ввerженъ былъ, какъ сказали мнѣ, что ея не видали, и что не могутъ о ней меня увѣдомить! Не зналъ, живъ ли я

былъ; всѣ страхи и ужасъ возмущали душу мою; мечталось, что Агата оставя одного меня въ злополучіяхъ, и отрекаясь свѣта удалилась въ монастырь: или похитивъ ея отецъ мой отдалилъ въ страну мнѣ неизвѣстную; встрѣчались минуты, въ кои подозрѣніе, невѣрность, ревность вселялись въ сердце мое; наконецъ та супруга, достойнѣйшая любви, почтенія, со всѣми своими неисчетными добродѣтельми, казалась мнѣ общенародною женщиною, не снеся напастей моихъ ввергнула въ нихъ меня единаго; что невѣрная начала гнушаться мною, и прилѣпилася къ другому. . . . . . Любить другаго! какое воображеніе для сердца, столь какъ мое, чувствительное!

Вотъ на какія различныя картины устремлялъ я взоры свои; смятеніе и неизвѣстность вспомоществовали ужасу моему. Я пришелъ къ господину Стикотти: онъ такъ же какъ и дѣвица де ла Ланде неизвѣстенъ о сестрѣ своей: довольно было единой неизвѣстности сей, чтобъ совершить несчастіе мое.

какъ

Какъ скоро возвратился домой, то вручили мнѣ писмо; я развернулъ его съ нетерпѣливостiю, и съ большою жадностiю читалъ, когда узналъ руку супруги моей: вотъ что написано было.

Я не хотѣла открыть тебѣ мое намѣренiе, опасаясь, что на сiе не согласишся; по скоромъ времени тайна сiя тебѣ откроется. Не безпокойся о мнѣ, я мыслю только о тебѣ; вѣрь, что гдѣ бы я ни была, но вѣчно возлюблю тебя; скоро о мнѣ извѣстишся. Будь увѣренъ, что единое только мое намѣренiе тебя осчастливитъ. Прости, сохрани ко мнѣ любовь твою. Что до меня касается, то я люблю тебя больше прежняго. Прости я стократно въ мысляхъ тебя цѣлую.

Писмо сiе, вмѣсто разточенiя моего безпокойства, казалось, что умножало его больше. Правда, что оно меня увѣдомило, что супруга моя жива еще, ничего не опасалась, и меня такъ же любитъ; но я остался въ безъизвѣстности о предприятiи ея, и для чего она сокрыла отъ меня тайну сiю.

Я

Я препроводилъ многія дни не получая отъ нее ни единаго писма, впалъ вторично въ глубочайшее отчаяніе вездѣ за мною послѣдовавшее.

Въ одинъ вечеръ, какъ я шолъ домой, увидѣлъ въ дали ужасное озареніе, пошелъ туда, и чѣмъ болѣе приближался тѣмъ оно было яснѣе. Я удвоилъ мои шаги, и прибѣжалъ, наконецъ вижу цѣлый домъ въ пламени, услышалъ вопль необычайный, страхъ обьялъ сердце мое. Ахъ! кто можетъ быть чувствителнѣе къ несчастнымъ, какъ злополучный? Я разбудилъ сосѣдовъ всѣхъ, встревожилъ народъ, самъ бросался въ пламень, чтобъ подать помощь. Какое престрашное воображеніе! оно еще и теперь предъ глазами моими: одинъ домъ превращенъ въ пепелъ, другія два почти догорали, изъ того пламя ни слышанъ былъ вопль умирающаго человѣка половину сгорѣвшаго и спасающаго остатокъ дней своихъ; другая немогшая спастися отъ огня сего, превращалися въ пепелъ; вотъ на какое зрѣлище устремлялъ я взоры свои.

Во время несчастнаго случая сего нѣкто меня узнавъ сказалъ мнѣ.

Какъ? ето ты господинъ де ла Бедуаеръ, что ты здѣсь дѣлаешъ?

Я вспомоществую, отвѣтствовалъ я, мнѣ подобнымъ, злополучнымъ; не устрашаюсь теперь отваживать на всю жизнь мою. Человѣкъ лишившійся всего даже до чести, долженствуетъ лучше искать смерти, нежели убѣгать ея.

Сколь много я соболѣзновалъ, сколь много тронутъ былъ взирая на зрѣлище сїе! желалъ бы затушить пламень сей кровїю моею. Но какимъ пораженъ былъ я смертельнымъ ударомъ, какъ услышалъ въ срединѣ огня сего произношенїе имяни Агатина! единое имя сїе охладило всю кровь въ жилахъ моихъ, ужасныя воображенїя терзали сердце мое, представляя Агату посреди пламени сгарающую; вдругъ престрашно вскричавши палъ въ руки стоящимъ подлѣ меня людямъ.

Они меня отнесли въ домъ мой въ семъ безпамятствѣ, наконецъ открылъ я глаза, но первый предмѣтъ

мѣтъ былъ, что вручили мнѣ Агатино писмо, и вотъ его содержанїе.

Отсудствїе причинило мнѣ несказанныя горести; но больше чувствую, что оно разпространило печали твои; однако я вознамѣрилась, чегобы то ни стоило, тебя осчастливить, и льщусь, что буду воономъ имѣть успѣхи. Время уже тебя увѣдомить о вымыслѣ, который имѣетъ великое начало дѣйствїя своего въ пользу нашу; наконецъ увидѣла я любезныхъ твоихъ родителей; я теперь посреди рода твоего; они неизвѣстны обо мнѣ; и надѣюсь вселить въ сердца ихъ искренность ими къ тебѣ забвенную. Я посылаю къ тебѣ въ писмѣ семъ надпись точную, куда ты можешъ отсылать писма. Пиши ко мнѣ чаще. Всегда ли любовь твоя ко мнѣ равномѣрная? и не премѣнилось ли сердце твое? Сколькобъ счастлива была, еслибъ ты долженствовалъ мнѣ благополучїемъ своимъ. Я всеминутно трепещу, чтобъ не узнали меня прежде назначеннаго мною времяни въ пользу мою. Будь увѣренъ, что мы уже истощили всю

зло-

злополучїе, и несчастїе утомилося гнать насъ. Прости, когда мы свидимся? Я чаю, что умру съ восторгу, естли родъ твой согласится назвать меня супругою твоею. Прости, - - люби меня всегда, я заслужила сїе моими чувствительностями. Ожидая отвѣта твоего, тебя цѣлую. Писмо сїе премѣнило печаль мою въ несказанную радость; люди мнѣ вспомоществующїе изъяснили тайность сїю. Увѣдомился я, что одна нещастная дѣвица въ пламени згорѣвшая называлась Агатою, вотъ что ввергнуло меня въ ужасъ несказанной; и я бы безъ сумнѣнїя лишился жизни, естлибъ не вручили мнѣ писма отъ супруги моей.

Я истинно надивиться довольно не могъ средству любовїю произведенному въ Агатѣ, чтобъ примирить меня съ отцомъ моимъ: но какъ скоро подозрѣнїя мои изчезли, то страхъ во мнѣ удвоился. Я не могъ безъ ужаса вообразить, что она была у отца моего, подвержено ежечасно открытїю ея, и жертвою гнѣва всего рода моего: слѣдственно имѣлъ великую причину печали, подающей

мнѣ

мнѣ отсудствіемъ ея: я писалъ къ ней часто, и она дѣлала меня участникомъ всѣхъ своихъ опытовъ, произшедшихъ между ея и отцемъ моимъ въ пользу мою.

Теперь хочу я вамъ описать похожденіе Агатино.

Съ того времяни, какъ незнаемый былъ отъ отца моего, чтобъ причинить Агатѣ новыя удары, ея задумчивость часъ отъ часу умножалась. Упорность рода моего, чтобъ не признать ея за супругу мою, вперила въ нее намѣреніе летѣть и броситься къ ногамъ отца моего, что и незамедлила въ дѣйство произвесть. Будучи обнадежена, что я сему воспротивлюсь, для того и сокрывала свой вымыслъ отъ меня, и нашла способный случай съѣхать туда съ одной своей знакомой женщиной, которая возвращалась въ мѣстечко не подалеку отъ Ренны лежащее.

Агата не имѣла другаго намѣренія, какъ только итти къ отцу моему, и объявить ему себя при способномъ случаѣ супругою моею. Женщина ей сотовариществующая изъяснила ей

посту-

поступокъ сей, и дала знать препятствіи и жестокія слѣдствіи его.

И такъ надлежало вымышлять способъ полезнѣе, и съ превеликою осторожностію назначить свиданіе, отъ котораго всѣ счастіе наше зависило. Сія женщина сама всѣ сдѣлать обѣщалась въ пользу нашу; она довольно знала отца моего, чтобъ войти къ нему въ домъ; привезши Агату въ Рену стали въ вольномъ домѣ.

Благодѣтельница Агатина вознамѣрилась вымыслъ свой въ дѣйство произвесть. Въ самомъ дѣлѣ она часто посѣщала родителей моихъ: по счастію нашему случилось, что мать моя имѣла нужду въ горнишной. Сія благодѣтельница приняла сіе за полезное. Она предложила Агатѣ пользоваться случаемъ симъ, то есть пойти къ матери моей въ горнишныя. Супруга моя повинуясь любви, и думая только обо мнѣ, приняла съ радостію предложеніе сіе. Чегобъ не сдѣлала Агата, чтобъ меня осчастливить?

Вотъ всѣ чему я восхищался, вотъ предмѣтъ безъ сомнѣнія достойный,

воз-

возвысится на первую степень моя супруга, рабыня отца моего доведена до того, что сравнена съ прочими. Благодѣтельница ея имѣла попеченіе сказать отцу моему, что она благородной крови, что супругъ ея оставилъ по смерти своей ея обремененну, и безъ имѣнія, слѣдственно несчастная вдова принуждена была итить во услуженіе.

Первый разъ какъ скоро предстала Агата предъ родителей моихъ, глаза ея наполнились слезами, а взирая на нихъ они больше усиливались.

Маріана, ето было имя принятое ею въ новомъ семъ состояніи, отличествовала отъ прочихъ рабовъ своею искренностію и стараніемъ: родители мои каждый день сплетали новыя ей похвалы; она любима была всѣми, хотя и старалась отъ нихъ удаляться, и употребляла съ ними нѣкоторую гордость, которая больше ее украшала.

Въ одно время отецъ мой увидѣлъ ея заплаканную, былъ очень симъ тронутъ.

Маріана, сказалъ онъ ей, я примѣчаю уже нѣсколько дней, что ты погру-

погружена въ глубочайшую печаль, какая бы сему была причина? ты знаешь, что я и жена моя весьма довольны услугами твоими, и ты бы чрезъ сїе могла уже забыть бѣдственное состоянїе твое: я тебѣ признаюсь Марїана, ты только единая у меня раба, къ которой имѣю великую искренность; не печалься, я тебѣ сказываю, мы употребимъ всѣ̂ старанїе осчастливить и наградить тебя.

Ахъ! государь мой, отвѣтствовала Агата, сколь мало вы меня знаете, когда говорите мнѣ о счастїи и о награжденїи! я довольно награждена за услуги мои, если они вамъ угодны: вѣрьте, что единая только склонность привлекаетъ меня исполнять должность мою: сердце мое посвящено вамъ и супругѣ вашей. Ахъ! для чего не можете вы оба проникнуть внутренности его? Вы бы тогда узнали, сколь много душа моя къ вамъ прилѣпилася Умилосердитесь, государь мой, не содержите меня какъ рабыню; я не создана понесть названїе сїе, я о немъ и не мыслила, а сотворена, увы! пользоваться лучшимъ жребїемъ. . . . . .

Агата

Агата тяжелые испускала вздохи; сердце ея печалїю стѣсненное побудило прервать разговоръ сей; слезъ ея потоки изобильно протекали. Отецъ мой взиралъ на нее съ примѣчанїемъ, и чемъ болѣе взоръ свой на нее устремлялъ, тѣмъ болѣе о ней соболѣзновалъ.

Нѣтъ, Марїана, сказалъ онъ съ сожалѣнїемъ, ты у насъ не рабыня, но несчастная только женщина; сїе единое имя можетъ тебя къ намъ въ любовь привесть; забываю отселѣ, что я господинъ твой, а хочу быть тебѣ отцомъ.

Отцомъ! какъ? государь мой, можетъ ли ето статься? злосчастная Марїана, ... горнишная . . . . будетъ дочь ваша? почто же не возмогу понесть имяни сего! сохрани на всегда сїи драгоцѣнныя мысли, я ихъ предпочту всему въ свѣтѣ награжденїю, . . . вотъ мое блаженство: . . . . извините меня, если я заблуждаюсь . . . . . несчастная осуждена служить, кончить жизнь свою въ злополучїи, въ стыдѣ, и въ поношенїи: такъ сударь, ... я бы отдала всю жизнь мою, всю кровь

мою,

мою, если бы вы меня за дочь свою содержали.

Каждое Агатино слово соединено было со вздохами, рыданїемъ и слезами; сердце ея готово было открыть всю таинство: она никогда еще такого не чувствовала смятенїя. Отецъ мой столько же почти тревожился, и сожаленїе его умножалось; мать моя застала ихъ въ смятенїи семъ.

Государыня моя! сказалъ ей отецъ мой: я не знаю, оба ли мы теперь единомысленны; но состоянїе Марїанны приводитъ меня въ удивленїе: она истинно достойна, чтобъ мы имѣли къ ней почтенїе; она мыслитъ, и поступаетъ не по рабски. Я сїю только минуту разговаривалъ съ нею, и сїи единыя рѣчи побудили меня почитать ея больше прежняго.

Я очень довольна, сказала мать моя, что ты однихъ со мною мыслей; Марїанна препроводитъ остатокъ дней своихъ съ нами. Пусть она умалитъ печаль свою о состоянїи своемъ, мы усладимъ горесть ея сколько нашихъ силъ будетъ: можетъ

быть она утѣшитъ насъ единая въ злосчастіяхъ нашихъ . . . . . . Маріанна ! мы сами такъ какъ ты сожаленія достойны.

Господинъ де * . . * съ своею дочерью взошли и помѣшали кончить Агатѣ рѣчь свою: тогда же бы она открыться могла, но отложила объясненіе сіе до другаго времени.

Любовь отца моего и матери къ Маріаннѣ день отъ дня возрастала; оба они старались угождать ей; по всему дому слышны были похвалы ея; но сего не довольно для Агаты, она желала открыть тайну сію великую ея отягощающую, и избрать способное время изъясниться предъ отцомъ моимъ; о мнѣ только мыслила, и предчувствовала тѣ ужаснѣйшія минуты мною въ отсудствіе ея провождаемые. Двадцать разъ покушалась ходить въ кабинетъ отца моего, въ намѣреніи ему открыться, и двадцать разъ страхъ, чтобъ пуще не огорчить его, удерживалъ ея и препятствовалъ говорить съ нимъ. Сіе ужасное смятеніе затмило всѣ мысли ея, и ввергало въ жесточайшее

шее состоянїе. Она отягчена была разными мыслями; проклинала минуту вымысла своего, вымышляяла многїе другїе, и кончила, ни на одномъ не утверждаясь.

Въ одно время вдалась она въ несноснѣйшую горесть; плачь ея былъ неутѣшной, въ мнѣнїи томъ, что она одна, и нѣтъ никакого свидѣтеля слезъ ея. Вдругъ отецъ мой присудствїемъ своимъ извлекъ ея изъ жесточайшей печали сей.

Что ето? сказалъ онъ ей, ... Марїанна всегда въ слезахъ? Или забыла то, что мы тебѣ обѣщали? или безпокоишся о предъидущемъ? Мы будемъ имѣть попеченїе о тебѣ и о младенцѣ твоемъ.

Ахъ! сказала Агата, вся въ смятенїи, ненавидьте всегда мать, лишите ея, если вы хотите жизни; но чтобы жилъ только младенецъ сей злосчастной, и чтобъ былъ защищенъ, любимъ вами, чтобъ чрезъ его могли вы позабыть мать его, или лучше. . . . . Онъ будетъ злополученъ, всю претерпитъ, и умретъ

ретъ со мною ; вышняя власть насъ ожидаетъ. Довольно , что онъ есть кровь моя и жертва злополучія.

Маріанна , сказалъ ей отецъ мой, что ты чрезъ сіе разумѣешъ? И почто напоминать всегда злополучіе? когда о настоящемъ единомъ долженствуешъ помышлять , то почто воображать прошедшее, тебя отягощающее? Скажи, что должно сдѣлать; чтобъ возвратить тебѣ спокойствіе твое ?

Ахъ ! могуль я быть спокойна , перервала его рѣчь Агата , когда другой , безъ сумнѣнія миляе мнѣ самой себя , претерпѣваетъ злѣйшія напасти , когда супругъ . . . .

Супругъ твой? сказалъ онъ, плачь твоя возвратитъ ли ему жизнь его?

Ахъ! вскричала Агата вся въ слезахъ , можетъ быть смерть его не столь бы меня тронула; но простите мнѣ , государь мой ! что я вамъ открываю тайну сію , супругъ мой живъ еще ; онъ утопаетъ въ злополучіяхъ , погружается въ глубину бѣдности , и ожидаетъ ежеминутно смерти

смерти отъ горестей сихъ: вотъ причина слезъ моихъ, и могу ли я ихъ пролить съ излишествомъ?

Супругъ твой живъ! отвѣтствовалъ отецъ мой, кто же принуждалъ тебя, сказать мнѣ, что онъ умеръ? Пускай сюда придетъ; онъ удостовѣрится, сыскавъ во мнѣ сердце чувствительное къ несчастїямъ его, мы можемъ ихъ поправить, Марїанна, ... онъ безъ сумнѣнїя мыслитъ какъ ты, имѣетъ твое сердце, твои чувствительности, мы возлюбимъ его.

Вы его возлюбите? . . . . . Нѣтъ вы его возненавидите; вотъ все бѣдствїе его, вотъ что меня понудило сказать вамъ, что онъ умеръ: если бы онъ мертвъ былъ, онъ бы, увы! былъ меньше достоинъ сожалѣнїя. . . . . . Ахъ! для чего бы я возненавидѣлъ его? я, будучи другъ всѣхъ злосчастныхъ, и которой бы желалъ быть всѣмъ имъ утѣшителемъ, благодѣтелемъ. Тебѣ ли Марїанна сумнѣваться о чувствительности моей?

Я не сумнѣваюсь; однако, государь мой! сей несчастной покажется недостойнымъ сожалѣнія вашего; онъ виновникъ, бракосочетавшійся сынъ безъ соизволенія родителей своихъ . . . . Вы въ сіяніи, государь мой! . . . . я довольно сіе предвидѣла, я знаю, что предлагая образъ сей предъ очи ваши, изображаю картину, гдѣ сами вы себя узнаете; супругъ мой напоминаетъ вамъ о сынѣ вашемъ . . . . . Ахъ! Маріанна! *вскричалъ де ла Бедуаеръ*, не вспоминай мнѣ о сынѣ, достойномъ единаго гнѣва моего. Почто не могу я забыть его! извѣстна ли ты о всѣхъ печалехъ, мнѣ имъ причинившихъ? и знакомъ ли онъ тебѣ?

Да, сказала Агата, несчастіи его дошли до меня. И гдѣ бы они могли быть неизвѣстны! какія бы сердца ихъ не раздѣляли? Какія бы очи на него не прослезились? Любовь, сія единая плачевная страсть, источникъ всѣхъ злополучій его. Или вы сами никогда не любили, вы имѣя сердце чувствительное, обо мнѣ сожалѣли, старались меня утѣшить,

меня осчасливить, хоть я и мало вами знаема? Иль должна я вамъ признаться чистосердечно? Вы спрашиваете меня, знаю ли я вашего сына. Ахъ! кто можетъ его знать больше меня! Будьте извѣстны, государь мой! что онъ другъ мужу моему: несчастные сотворены снискивать другъ друга, и соединяться неразрывнымъ дружествомъ: они особливые родственники ближайшіе другъ другу. Не могуль я изъяснить вамъ печаль несчастнаго сына вашего, сына имѣющаго къ вамъ неограниченное почтеніе, любящаго васъ при самой кончинѣ жизни его. Ахъ! государь мой! колико пролилъ слезъ онъ передъ нами, и въ какомъ плачевномъ теперь онъ состояніи! подвергнутъ всѣмъ несчастіямъ, претерпѣвая ужаснѣйшую бѣдность; сожалѣетъ единственно о потеряніи любви къ нему вашей; сіе единое злополучіе терзаетъ сердце его.

Такъ, *сказалъ онъ мнѣ за нѣсколько дней прежде отъѣзда моего въ Рену*, отецъ мой можетъ удвоить противъ меня гоненіи свои; но всегда пребу-

 детъ

детъ милъ сердцу моему. Почто не возмогу я броситься къ ногамъ его, и омыть ихъ слезами моими! Увы! если бы воззрѣлъ онъ на плачевное состоянїе мое; если бы увидѣлъ меня и той помощи лишеннаго, которой не требуютъ и самые послѣднїе изъ смертныхъ, то не могъ ли бы сжалиться надо мною? Не простилъ ли бы меня въ проступкѣ, мною содѣланномъ? Самыя строжайшїя законы имѣютъ назначенное время для наказанїя злодѣевъ, и облегчаютъ имъ; а отецъ мой на всегда ли распространитъ ярость свою! всегда ли будетъ гнать меня! еще ли не удовлетворился! Онъ лишилъ меня наслѣдства, чина, наконецъ и любви родительской; чего же еще недостаетъ къ моимъ напастямъ? . . . Смерти. Увы! я чувствую, что она приближается, и она единое есть для меня утѣшенїе. Но снидуль я во гробъ, не узривъ отца моего? не облобызая ногъ его, и не испросивъ прощенїя?

Но что я вижу, государь мой! что вы дѣлаете? Вы хотите сокрыть отъ меня слезы ваши? Ахъ!

позволь-

позвольте мнѣ утѣшиться зрѣлищемъ, толь для меня прїятнымъ. Господинъ де ла Бедуаеръ тронулъ внутреннюю отца своего? Ужель сжалился онъ надъ жребїемъ несчастнаго сына своего? Я не могу довольно изобразить состоянїе его; онъ въ самой крайней бѣдности; сынъ вашъ! собственная кровь ваша! готовъ умереть отъ глада; на васъ надѣется, васъ любитъ, ужель сердце ваше не смягчится? Ахъ! государь мой! примите его въ объятїя свои . . . . . плачь вашъ умножается. Ахъ! вы еще любите его? Вы можете простить его? Возвратить ему сердце ваше? Могу ли я надѣяться? . . . . .

Ахъ! *вскричалъ отецъ мой*, какимъ ударомъ меня ты поразила! я готовъ Марїанна простить столь виновнаго сына; но чтобъ отрекся онъ отъ недостойной его любви, чтобъ не воспротивился онъ опровергнуть бракъ мнѣ противной, и чтобъ Агата престала быть его супругой. . . . . Что сдѣлалось съ тобой, Марїанна? или ты чувствуешъ какую болѣзнь? . . . . . . Ничего су-

 дарь,

дарь, извините смятенїе мое . . . . Однако . . . . государь мой! . . . . . . знаете ли вы Агату, которая есть причина уничтоженїя и гнѣва вашего? Видѣли ли вы ея когда? Знаете ли кто она? Какїе имѣетъ чувствительности, и въ какихъ утопаетъ злосчастїяхъ?

Нѣтъ, *отвѣтствовалъ онъ*, я никогда ея не видѣлъ, и не желаю въ вѣкъ ея видѣть: знаю, что она дочь комедїантова и сама была комедїанка: однимъ словомъ, союзъ такой можетъ посрамить вес ьнашъ родъ.

Каждое слово, произнесенное господиномъ де ла Бедуаеромъ, причиняло смерть сердцу несчастной Агаты; она умирала, оживлялась, была посреди жизни и смерти, слезы ея удержанныя въ очахъ ея вселялись въ средину сердца ея. Какое ужасное состоянїе!

Какъ, государь мой! *сказала она съ жалостїю* Вы не хотите никогда видѣть злополучную Агату? отрицаетесь признать ея за дочь свою? Ахъ! . . . . еслибъ вы узнали ея,

вы бы помыслили съ ней иное, вы бы престали быть противъ ея упорными и неупросимыми. Правда, что она дочь комедїантова, и была сама комедїанка, вотъ всѣ ея злодѣянїя; другихъ никакихъ предъ вами не содѣлала. Я не говорю вамъ того, что разумъ таковъ, какъ вашъ долженствовалъ бы быть свободенъ отъ сихъ постыдныхъ предразсужденїй, содѣланныхъ для общенародныхъ сердецъ, что добродѣтель должна быть единымъ преимуществомъ, единымъ почтеннымъ названїемъ; и что нѣтъ ни единой презрѣнной должности, какъ скоро наблюдена тутъ честность и добродѣтель. Однако, государь мой! знаете ли вы, что родъ Агашинъ, можетъ быть, не имѣетъ никакого различїя отъ вашего? и что единое только злополучїе принудило отца ея опредѣлиться къ театру? Вы никогда не вникали въ злосчастїе, никогда не чувствовали, въ какую крайность можетъ оно насъ ввергнуть. Ахъ! государь мой! возможно ли, чтобъ вы сего не знали! сему причина единое только смиренїе, что отецъ Агашинъ, и сама она принуждены были

унизиться. И такъ, была она комедїанка: но взяла ли съ симъ названїемъ подлые обычаи и гнусныя поведенїя, которыя безчестятъ должность сїю? и можно ли чѣмъ поносить добродѣтель ея? и самая клевета принуждена была почитать ея. Сїя то добродѣтель вселила въ сына вашего любовь содѣлывающую до сего времени ихъ виновными и злополучными. Несправедливо бы было, еслибъ отъ васъ ея сокрыли. Агата съ той минуты, какъ узнала сына вашего, возлюбила его столько же, какъ и онъ ея. Я признаюсь въ томъ, что она долженствовала имѣть больше силъ противиться склонности сей плачевной. Или, вы неизвѣстны? что она сильняе разсудка, и на предъидущее не взираетъ.

Если Агата виновна, то въ томъ только, что чувствительна съ излишествомъ. Но вы долженствуете знать, что она содѣлала больше нежели искренность, и естество ей дозволяло; хотѣла разлучиться вѣчно съ вашимъ сыномъ, оставить любовь его, и посвятить навсегда жизнь свою въ монастырѣ. Небо, опредѣля ея

къ жесточайшимъ злополучїямъ, и воспротивясь предприятїю сему; хотѣло, чтобъ она опять съ нимъ соединилась, и возлюбили другъ друга съ пущею горячностїю. Увы! сколь много наказаны они! на конецъ обольщенная Агата согласилась бракосочетаться съ любовникомъ обладающимъ больше сердцемъ ея, нежели сама она. Они возмечтали, что молчанїе ваше было на бракъ соизволенїемъ. На конецъ высочайшая власть свидѣтельствовала ихъ супружество, и она единая разрушить его можетъ; а вы хотите прервать союзъ сей освященной! онъ кажется разрушеннымъ предъ очами смертныхъ; но можетъ ли сїе статься, когда правосудїе, человѣчество, опровергаютъ правы свои, и сами поносятъ супружество сїе? Я принимаю дерзновенїе спросить васъ, откройте мнѣ сердце ваше: мыслите ли вы, что по правамъ честности, и естества, союзъ сей можно нарушить? Ахъ! вы наблюдаете правосудїе и истинну. Единое имя сїе комедїянки, дѣвица безъ богатства: вотъ что вооружаетъ васъ противъ супружества сего, на которое вы

давно уже согласны. . . . . Разсмотрите . . . . познайте Агату ; она больше не комедiанка, а супруга сына вашего, дочь ваша , и скоро произведетъ на свѣтъ младенца вамъ единокровнаго ; она не имѣетъ богатства кромѣ добродѣтелей , несчастiя , любви къ супругу своему , почтенiя , искренности, и преданности къ родителю его ; сердце ея вамъ предано, нетерпѣливо желаетъ прити къ вамъ съ супругомъ своимъ и броситься къ ногамъ вашимъ. Ахъ! будете ли столь жестокосерды , чтобъ отринуть ея отъ себя? Она единаго отъ васъ требуетъ , чтобъ умереть съ именемъ дочери вашей ; лишите ея жизни , она на то согласна ; но чтобъ искупила смертiю своею безчестiе несчастнаго младенца ея; чтобъ могъ онъ назваться сыномъ вашимъ. Да, государь мой ! Агата ничего больше у васъ для себя не проситъ; не желала бы возбудить въ васъ жалость для несчастнаго младенца сего, которому жизнь будетъ поношенiемъ. Ахъ ! можете ли вы снесть сiе? накажете ли сына вашего и несчастную его супругу для младенца сего? Вотъ ,

Агата

Агата хочетъ предстать предъ очи ваши, надобно будетъ лишить ея жизни прежде нежели дастся несчастному сему, которой родится къ посрамленію. Да, вы вдругъ умертвите и младенца и мать, и вы престанете быть отцомъ ихъ . . . . . . вы мнѣ не отвѣтствуете? . . . . . . источникъ слезъ вашихъ протекаетъ? . . . . я проникаю жалость въ сердцѣ вашемъ. Вы хотите простить сына вашего, но согласны ли простить и злосчастную Агату? благоволите ли признать ея за дочь вашу? Ахъ! я падая предъ вами прошу сей милости, она въ минуту извѣстится отъ меня о благополучіи своемъ, обомретъ съ восхищенія, и сама предстанетъ предъ васъ омыть ноги ваши слезами своими. . . . . . . Ахъ Маріанна! вскричалъ отецъ мой заплакавъ, чего ты отъ меня требуешъ? сколь ты властна надъ моимъ сердцемъ! еслибъ Агата на тебя походила и столь какъ ты была чувствительна. . . . . .

Да . . . . она безъ сумнѣнія мыслитъ такъ какъ я, она васъ любитъ, вамъ покорствуетъ, и поклонится вамъ во весь остатокъ дней своихъ

Из-

. . . . . Изрядно , сказалъ господинъ де ла Бедуаеръ, извѣсти ей, что можетъ она предстать предъ меня , я во всемъ ея прощаю , и согласенъ на бракъ ихъ. . . . . Вы прощаете ея , вы признаете ея за дочь вашу ? . . . . Ахъ! дражайшїй отецъ ! . . . . . . Агата у ногъ вашихъ. . . . .

Супруга моя пала предъ нимъ , омывая ноги его слезами своими: онъ наклонился обнять ея, и совокупивъ слезы свои съ плачемъ ея , оба проговорить не могли. Агата сїе только сказала. . . . . .

О дражайшїй родитель мой! . . . . . . Я умираю . . . . . я дщерь ваша ! . . . . . . удостоите ли вы любить меня ? . . . . о возлюбленный отецъ . . . .

Да , . . . ты любезнѣйшая дочь моя ! . . . . сынъ мой найдетъ во мнѣ отца своего ! . . . . едва теперь дыханїе чувствую ; . . . . искренность мною овладѣла ; сердца моего недостаетъ къ восторгу , встань дочь моя! . . . . . облобызай меня! . . . . . съ коликимъ восхищенїемъ обрѣтаю я Агашу въ Марїаннѣ !

Нѣтъ, я не встану; оставте меня у ногъ вашихъ; сїе состоянїе мнѣ приличествуетъ. Не мечтается ли мнѣ, что вы меня прощаете? что вы меня любите? что вы именуете меня дражайшимъ именемъ дочери вашей? Какъ! вы удостоиваете меня именемъ отца моего? позвольте Агатѣ сохранить должность Марїанны! служить вамъ, и быть послѣднею рабою вашею! Возможно ли унизиться служа любезному? Сїе будетъ для меня первое достоинство, первая честь. Пойду и поспѣшу извѣстить о благополучїи семъ супруга моего; вы узрите его вскорѣ, и онъ умретъ съ восхищенїя. . . . . Но представте меня къ матери моей; восприметъ ли она мысли ваши? и благоволитъ ли признать меня, какъ вы, за дочь свою? . . . .

Агата непрестанно была у ногъ отца моего. Онъ держалъ ея въ объятїяхъ, и орошалъ ея слезами своими. Мать моя вошла вдругъ, и стала безсловесна.

Поди сюда, сударыня, познай дочь свою, ... Агата предъ тобою. . . . . ,

Агата!

Агата! Марїанна! дерзаетъ намъ казаться, о боже! . . . . .

Въ ту минуту пала она въ креслы удивляясь, и злобствуя.

Тотчасъ Агата приползла къ ногамъ ея вся въ слезахъ. Мать моя сдѣлала движенїе, чтобъ оттолкнуть ея.

Государыня моя! сказала ей моя супруга, попирайте меня ногами вашими, лишите меня жизни, разтерзайте грудь мою, разтерзайте чрево мое носящее несчастнаго, который ожидаетъ рожденїя своего, чтобъ изспросить мнѣ и себѣ прощенїе. Да, я, та злосчастная до сего времени подверженная гнѣву вашему, котораго недостойна; вы любили Марїанну, можете ли возненавидѣть Агату? какое злодѣйство она вамъ содѣлала? . . . . . . но вы не удостоиваете возрѣть на меня . . . . . хотите ли оставить меня? . . . . . но не оставить до тѣхъ поръ, пока не лишите меня жизни . . . . . . я воспротивлюсь пути вашему; шествуйте по тѣлу моему окровавленному, удушите во мнѣ невиннаго младенца сего, которой такъ какъ

мать

мать его проститъ вамъ удары его поражающїе . . . . вы въ смятенїи государыня моя . . . . не колебайтесь . . . . вы не хотите быть матерью моею, будьте моей убїйцей, не осталось вамъ избрать больше, когда слезы мои и плачь отца моего не возмогутъ васъ преклонить къ сему. . . . . .

Кто васъ удерживаетъ . . . . . соблаговолите ли быть матерью моею . . . . . я готова посвятить вамъ жизнь мою, чтобъ удостоиться имени сего; отсрочте еще мнѣ нѣсколько дней, чтобъ я могла произвесть на свѣтъ злосчастнаго младенца сего, которой оживотворится возлюбить васъ. . . . . .

Какїя движенїя волнуютъ въ васъ. . . . . . восприметъ ли естество правы свои надъ сердцемъ вашимъ? Ахъ! любезная мать, вниди въ жалость для несчастной.

Можешъ ли ты сему противляться, сказалъ ей отецъ мой? время, сударыня, простить ихъ; естество, законы, все́ намъ повелѣваетъ; последуй мнѣ, прими мысли мои, возри на Агату какъ на дочь свою.

Какъ!

Какъ! вскричала мать моя, Маріанна, ты меня обманула! ты Агата?

Да, продолжала моя супруга, я сія несчастная женщина, умирающая съ печали, что не могла столь долгое время упросить васъ. Я вамъ повторяю, удостойте меня именемъ дочери вашей, мало времени осталось мнѣ для жизни; несчастная Агата вскорѣ увянетъ, и свободитъ васъ отъ противнаго вамъ вида; она возвратитъ смертію своею сыну вашему вольность избрать для него достойнѣйшую супругу. Утвердите только состояніе мое, чтобъ дитя мое не негодовало на рожденіе свое. Въ то время я на всё отважиться готова: отринете ли вы благодѣяніе сіе, котораго отъ васъ ожидаю? скажите; уже имѣю отца, удостоюсь ли мать имѣть? Да, . . . ты ея имѣешъ, сказала госпожа де ла Бедуаеръ заплакавъ горько. Забудемъ Маріанну и Агату; я зрю дочь мою, гдѣ сынъ мой! пусть извѣстится, что мы его прощаемъ. . . . . .

Агата бросалась къ ногамъ матери и отца моего; она лобызала ихъ по пере-

перемѣнно, и всѣ трое плакали неутѣшно.

На конецъ, вскричала супруга моя, я теперь взошла на верхъ желаній моихъ, всѣ наши несчастія окончались, вы насъ простили, начали любить, и по соизволенію вашему вкусимъ мы сладость пріятнѣйшаго союза; младенецъ сей будетъ вашъ, будутъ три сердца долженствующія вамъ искренностію, и благодарностію; вторично оживотворяете вы сына вашего; онъ умножитъ къ вамъ почтеніе свое; вы его лишили наслѣдства; онъ ничего не пожелаетъ кромѣ любви родительской; если вы ему ея возвратите, то овладѣетъ въ ней всѣми сокровищами: ахъ! возможно ли отстрочить хотя единую минуту, чтобъ не извѣстить его о столь долго ожидаемомъ имъ благополучіи?

Они не могли разлучиться съ Агатой; она была въ объятіяхъ ихъ, прижимали ея къ персямъ своимъ, и источникъ слезъ ихъ былъ неизчерпаемый. Я получилъ сіе писмо отъ супруги моей.

Я не могу къ тебѣ писать какъ слова два: ты всѣхъ щастливѣе смертныхъ: приложи свои силы скоряе приѣхать въ Рену, приходи тамъ къ господину * * * я ожидаю тебя съ нетерпѣливостiю. Помысли, что всякая минута, ежели ты приѣздъ свой отстрочишъ, будетъ мнѣ несносное мученiе тобою причиненное. Прости.

Какъ скоро получилъ сiе писмо, то отправился въ путь; я уразумѣлъ, что сдѣлано уже примиренiе съ отцомъ моимъ, но никогда не воображалъ, чтобъ счастiе мое такой успѣхъ возымѣло: увы! сiя волшебная мечта вскорѣ изчезла. Какъ скоро приѣхалъ я въ Рену, желалъ нетерпѣливо видѣть Агату; пришолъ къ господину * * * какъ мы сговорились прежде; она не замедлилась туда притти. Не успѣлъ увидѣть, бросился тотчасъ въ объятiя ея: мои восторги и радости препятствовали говорить съ нею; орошалъ только ея слезами своими, задушилъ ея лобызанiемъ; все сердце мое наполялось веселiемъ отъ взора дражайшей моей Агаты; я приобрѣлъ свѣтъ, жизнь, и новое получилъ бытiе.

На

Наконецъ узрѣла я тебя дражайшій мой, сказала она мнѣ, злосчастія наши кончились, мы теперь взошли на верхъ благополучія нашего; я не хотѣла сего къ тебѣ писать, а почла себѣ за утѣшеніе извѣстить тебѣ изъ собственныхъ устъ моихъ: отецъ твой знаетъ, кто я, призналъ меня за дочь свою; супружество наше подкрѣплено; онъ прощаетъ, и любитъ насъ; желаетъ зрѣть тебя, и насъ осчастливить; ты долженствуешъ итти и броситься къ ногамъ ихъ сію минуту. . . . .

Постой, сказалъ я ей, мыслей моихъ не достаетъ отъ восхищенія. Какъ! я увижу отца моего; онъ возвращаетъ мнѣ любовь свою, соглашается на бракъ нашъ, признаетъ насъ за дѣтей своихъ. . . . . одну минуту, Агата; я не знаю будетъ ли у меня столько силъ, чтобъ итти къ нему. Какое благополучіе, какая удивительная перемѣна! я умираю, сердце мое не можетъ снести восторгу сего. Какъ отецъ мой обѣщаетъ любить меня? . . . . . . Въ самомъ дѣлѣ никогда не шествовали

сЪ

съ такою скоропостижностїю изъ глубочайшей пропасти злосчастїй, на высочайшую степень благополучїя; я уподоблялся мертвому, которой бы удивился вдругъ получивши жизнь; я соединялъ сїи чрезвычайности вмѣстѣ.

Нѣчего терять времени, продолжала Агата, ускори минуту благополучїя нашего: послѣ свиданїя сего ты узнаешъ какое средство употребила я привесть къ концу вымыслъ мой; теперь довольно извѣстенъ ты, что всё сїе есть дѣйствїе любви; я убѣдила родителей твоихъ, и вселила тебя въ сердца ихъ: позволь мнѣ вкусить удовольствїе, и сказать, что супругъ мой долженствуетъ мнѣ счастїемъ своимъ: но мы мѣшкаемъ съ излишествомъ, поди, слѣдуй мнѣ, я провожу тебя къ ногамъ отца твоего; онъ ожидаетъ облобызать тебя.

Пойдемъ, дражайшая Агата, полетимъ . . . . Если силъ моихъ не достанетъ итти, ты поведёшъ меня. О боже мой! какой восторгъ я ощущаю! . . . . . .

Вдругъ

Вдругъ предсталъ предъ насъ человѣкъ имѣя отчаянное лице, что насъ привело въ трепетъ; признали мы его за того точно незнаемаго, которой былъ у насъ въ Парижѣ, оставилъ у меня въ карманѣ деньги, сказалъ онъ намъ, остановитесь! куда вы бѣжите? несчастнѣйшія! не отваживайтесь итти къ отцу вашему; все̑ перемѣнилось, и вы погибли, родъ вашъ обо всемъ извѣстился; онъ вперилъ въ вашихъ родителей мысли совсѣмъ отмѣнныя отъ тѣхъ, въ какихъ супруга твоя ихъ оставила; однимъ словомъ, все̑ васъ устрашаетъ, хотятъ васъ посадить въ тюрьму; спасайтесь въ той же коляскѣ, въ которой вы сюда пріѣхали, и возми Агату съ собою; пользуйтесь симъ способнымъ временемъ, поѣзжайте сію минуту.

Ну . . . . . какой несчастной можетъ мнѣ уподобиться? и кто испыталъ такое состояніе? я былъ обезумленъ, окаменѣнъ, кровь моя остановилась въ жилахъ моихъ. Однако по счастію моему столько еще имѣлъ чувства, что увидѣлъ супругу мою

 отъ

отъ меня бѣгущую, схватилъ ея и положилъ въ коляску. Сдѣлался ей отъ извѣстія сего преужасный обморокъ, она только престрашно закричала; я самъ на десятой почтѣ Парижской дорогѣ опомнился, не зная кто меня посадилъ въ коляску и по какому пути мы ѣдемъ.

Колькими страшными воображеніями разумъ мой объятъ былъ! какой ударъ былъ сердцу моему! первыя взоры мои устремлены были на Агату; она не могла еще притти въ себя; ужасъ, печаль, и удивленіе изображены были на лицѣ ея; хотѣла говорить со мною; но силъ ея не доставало.

Я первой прервалъ молчаніе сіе, оно изображало отчаяніе мое.

Гдѣ мы, Агата! вскричалъ я, ещель мы живы? не поражены ли мы громовымъ ударомъ? имѣюль я дыханіе? говорю ли я? что приключилось съ нами? не привидѣніе ли сіе? Увы! злополучіе мое истинно, втувѣ сомнѣваюсь, обманетъ ли меня

часть

часть моя? нѣтъ, я не сотворенъ быть счастливымъ: Агата, не обманулась ли ты, желалъ ли отецъ мой простить меня? возможно ли, чтобъ сердце его перемѣнилось, чтобъ онъ почувствовалъ ко мнѣ человѣчество, соболѣзнованіе, искренность? Ахъ! любовь тебя обольстила; въ какую пропасть мы теперь ввергаемся!......
Я не могу опомниться, отвѣтствовала Агата, я испытываю, спрашиваю сама себя: истинну ли я слышала. Нѣтъ я не обманулась, отецъ твой былъ моимъ, онъ ожидалъ тебя простить, тебя облобызать, и тебя возлюбить..... Но не возможно, чтобъ сердце его премѣнилось, тебя единаго теперь обманули. Да, отецъ твой тебя любитъ я не сумнѣнна, повѣрь мнѣ, возвратимся въ Рену, я во всемъ тебѣ отвѣтствую.

Ахъ! дражайшая Агата! сколь мало люди тебѣ извѣстны, и до чего простираешъ слабости свои! ты хочешъ возвратиться въ Рену! ты хочешъ, чтобъ я препроводилъ тебя къ смерти? не можемъ ли мы изгнать са-

самихъ себя изъ подсолнечной, и преселиться въ другой свѣтъ, въ другую землю, гдѣ бы мы едины только обитали? Какъ могу я удостовѣриться? встрѣчаются минуты въ которые я боюсь тебя, и боюся самъ себя. Я вѣрю сему, что ты тронула отца моего, что привела въ жалость о плачевнѣйшемъ состоянïи моемъ, и вселила въ него сердце твое; но цѣлой весь мой родъ, заклинающïйся къ погибели моей, изторгнулъ изъ него сïе великодушное и искреннѣе сердце; оно преисполнено ненавистïю, и яростïю ихъ. Я больше не имѣю ни отца, ни матери, ни роду, ни друзей; я зрю окружающихъ меня враговъ, гонителей, и смертоубïйцъ; цѣлой свѣтъ вооружился противъ меня; не остается болѣе какъ быть оставлену, ненавидиму отъ Агаты.

Ахъ! несчастнѣйшïй и любезнѣйшïй паче всѣхъ смертныхъ! сердце Агатино вѣчно къ тебѣ не премѣнится; оно останется по гробъ для супруга моего, злополучнѣйшаго, и ежеминутно умножающаго любовь свою ко мнѣ.

Су-

Супруга моя разсказала мнѣ хитрость употребленную съ отцомъ моимъ, о приведенїи его въ жалость къ ней и къ сыну его: каждое слово ея умножало печаль мою, и воспламеняло мою къ ней горячность.

Въ самомъ дѣлѣ привесть себя до крайности, унизиться до того, что итти во услуженїе, быть рабою у собственнаго отца своего, не вѣнецъ ли есть любви самой? вотъ чувствительности и дѣйствїя ея, къ которымъ единая только любовь удобна. Чтобъ я не жертвовалъ супругѣ моей! не обожалъ бы ея! нѣтъ, мое почтенїе, моя горячность, не возмогутъ удовлетворить желанїя мои; я самъ себя всегда упрекать буду, что не довольно ея люблю; не достаетъ моихъ чувствительностей, и если много жертвую Агатѣ, то какое больше идолопоклоненїе простительно? . . .

Супруга моя ежечасно сумнѣвалась о послѣднемъ нашемъ злополучїи, и могла повѣрить, что отецъ мой употребилъ такую жестокость. Какъ

скоро приѣхали мы въ Парижъ, то получили изъ Ренны писмо: оно заключало въ себѣ верхъ злополучія нашего. Агата не имѣла больше утѣшенія ослѣплятьса сею ужасною истинною: написано, что родъ мой усилился паче прежняго погубить насъ, и изспросили они указъ за королевскою печатью, чтобъ лишить насъ вольности, единаго сего утѣшенія, которымъ всѣ злосчастныя восхищаются.

Вотъ какое теперешнее состояніе наше; мы вскорѣ ожидаемъ, что третій злополучный соединитъ слезы свои съ плачемъ нашимъ. Увы! долженствую ли я желать, чтобъ сей несчастный младенецъ произошелъ на свѣтъ? мнѣ ли вкушать сладости соединяющіе съ именемъ отца его?

Я вмѣсто всѣхъ сокровищъ имѣю единое злополучіе, сіе единое наслѣдство оставить я могу младенцу сему; онъ безъ сумнѣнія произойдіотъ на свѣтъ меня возненавидѣть. Ахъ! и можетъ ли онъ любить меня. Я единственно далъ ему жизнь для того

толь-

только, чтобъ онъ чувствовалъ, и раздѣлялъ съ собою мои горести. Можетъ ли онъ именовать меня отцомъ своимъ; и почто страшиться ему враговъ и смертоубійцъ, когда поражаю я его всѣми сими ударами. Прости меня несчастнѣйшее дѣтище; я все употребилъ, чтобъ утѣшался ты отличнымъ отъ сего жребіемъ. Далъ тебѣ жизнь, готовъ лишиться моей, если только смерть моя можетъ премѣнить судьбу твою. Но, увы! я жертвую тебѣ жизнію, но она ужъ больше не въ моей власти; моя болѣзнь, печали, отъемлютъ ея. Возможешъ ли ты жить, чтобъ быть не столь какъ я несчастенъ, жалѣть о мнѣ, возлюбить память мою, соболѣзновать о искреннѣйшемъ и несчастнѣйшемъ изъ всѣхъ смертныхъ отцѣ твоемъ. Я ожидаю смертнаго часа съ спокойствіемъ, съ крѣпостію; они суть свойство души почерпающей достоинство изъ самой средины злополучія. Я вкушаю въ горестномъ состояніи моемъ утѣху, говоря самъ себѣ, что я первѣйшій и знатнѣйшій изъ всѣхъ несчастныхъ. Я пріобрѣлъ

обрѣлъ право ненавидѣть смертныхъ, и проклинать самаго себя. Если сердце мое разверзется къ какой либо чувствительности, то только для того, чтобъ терзаться ужаснѣйшимъ состоянїемъ, въ которомъ умирая, оставляю супругу мою со младенцемъ. Могъ ли бы я собою истощить всю жестокость моей судбины, и понесть во гробъ сїе злополучїе вездѣ меня гонящее! но я лишился друзей, лишился и надежды! довольно испыталъ истинну сихъ стиховъ изъ Меропы:

Quand on a tout perdu, quand on' a plus d' espoir,
La vie est un opprobre, et la mort un devoir.

Когда погибло все, когда надежды нѣтъ,
Тогда поносно жить, оставить должно свѣтъ.

Однако есть еще на земли единая благотворящая душа; я чаю, что само божество веселилось ея сотворяя, и безъ сомнѣнїя образъ сей великой души, одушевляющей столько народа, изливающей до безконечности благодѣянїя свои, имѣетъ кладезь неизчерпа-

черпаемый: се человѣкъ: онъ только единъ изъ всѣхъ смертныхъ достоинъ имени сего, оно его превозноситъ выше всѣхъ чиновъ, и всѣхъ пышностей, въ коихъ родился онъ, отъ которыхъ хотя скрывается, но избѣжать не можетъ: добродѣтель его воспринимаетъ новую славу. Сему единому и первому изъ смертныхъ, сему другу, сему великодушному покровителю, общему отцу несчастныхъ; сему принцу, показующему величество свое чрезъ добродѣтели, хочу дать знать стенанiе мое; повергну къ ногамъ его бѣдность, и слезы мои; онъ возритъ на меня окомъ милосердiя, усыновитъ младенца сего несчастнаго скоро рождшагося; сжалится на бѣдственное состоянiе супруги моей, на конецъ сохранитъ плачевныя дни ихъ; они будутъ жить, для посвященiя ему дней своихъ, для воздаянiя вѣчной ему благодарности; ему поклонятся какъ благодѣтелю, какъ ангелу утѣшителю.

Ахъ! князь! втунѣ избѣгаешъ должной похвалы. Позволь, чтобъ

истин-

истинна снискала тебя во внутренности храмовъ нашихъ у жертвенника, для прославленія твоихъ добродѣтелей. Пусть другія заслуживаютъ имя храбраго героя, опустошаютъ земли, разоряютъ государства. Ты единъ желаешъ быть другомъ человѣчеству, сохранить людей, и научить ихъ по примѣру твоему. Кто изъ смертныхъ дерзнетъ приближиться къ жертвеннику, котораго ты просишъ о насъ? Мужество и храбрость суть добродѣтели у общенародныхъ сердецъ: но твое достоинство и должность, дѣлать смертныхъ счастливыми: ты единъ долженствуешъ чувствовать силу славы сея неизвѣстной потомству свѣта: ты истинный герой, сущій философъ, и точный Христіянинъ. Извини меня, если я старался изобразить образъ твой; если я уязвилъ кротость твою. Но я самъ съ собою разговариваю въ повѣствованіи семъ. Я уже сказалъ, что сія повѣсть есть сердечная, чувствительностей моихъ: память ненависти моей къ симъ недостойнымъ людямъ, и къ цѣлому свѣту должна быть

быть искренностію моею для тебя: сіи похвалы суть самая истинна. Пусть вопль мой дойдетъ до тебя, удостой принять меня въ объятія твои и допусти меня къ роду злополучныхъ тобою покровительствующихъ. Я умоляю тебя для супруги моей и младенца сего. Я чувствую тяжесть болѣзни моей; сіи суть послѣднія издыханія мои; источникъ слезъ моихъ изсыхаетъ съ жизнію моею, и несчастія мои окончатся съ нею.

Конецъ четвертыя и послѣдніа части.

АНТИКВАРНАЯ
КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ
В. И. КЛОЧКОВА.
СПБ., ЛИТЕЙНЫЙ 55.
Дезинф. 1951